

УДК 316.346

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.27

Социально-психологическое самочувствие сельского населения прибрежной зоны Беломорья как фактор риска для арктической политики России

© **Подоплёкин Андрей Олегович**, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики Российской академии наук (г. Архангельск), член рабочей группы по социальным и гуманитарным исследованиям Международного арктического научного комитета (IASC SHWG). E-mail: podoplekin@mail.ru

Аннотация. В статье представлены обобщённые результаты социологического исследования социально-психологического самочувствия сельского населения прибрежных территорий Архангельской области (часть Арктической зоны РФ), проведённого в 2015 г. Показаны критический уровень социального пессимизма, уверенность граждан в сохранении негативной социально-экономической динамики, отсутствие мотивации

и готовности к активному участию в решении вопросов развития территорий. Данное состояние имеет предпосылки в глубокой деградации объектов местного производства, инфраструктуры и социальной сферы, подтверждаемой данными статистики. Выявленные показатели обуславливают высокую миграционную готовность, особенно в группах трудоспособного возраста, что в среднесрочной перспективе создаёт риск обезлюдения и разрушения социального каркаса прибрежной зоны, обладающей существенным ресурсным потенциалом, и заселённость которой имеет стратегическое значение с точки зрения геополитических интересов России в Арктике. Решением, способным обеспечить позитивный тренд, может стать применение федеральными и региональными властями территориального подхода к социально-экономическому развитию, уже реализуемого в деятельности Госкомиссии по вопросам Арктики. Также актуальна корректировка законодательства, направленная на превращение жителей приарктических территорий в выгодоприобретателей освоения ресурсов макрорегиона, требующая создания специальных режимов и преференций в сферах природопользования, налогообложения, предпринимательства и кредитования для всех групп коренного (постоянно) негородского населения АЗРФ, включая малочисленные народы Севера.

Ключевые слова: Россия, Арктическая зона, прибрежные сельские территории, коренное (постоянное) население, социально-психологическое самочувствие, миграция, баланс трудовых ресурсов, деградация местной экономики, территориальное развитие

Social-psychological well-being of rural population in the White Sea coastal area as a risk factor for the Russian Arctic policy

© **Andrey O. Podoplekin**, Candidate of Historical Science, lead of laboratory, Federal Research Center for Integrated Arctic Studies of the Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russian Federation), member of Social and Humanities Working Group, International Arctic Science Committee (IASC SHWG). E-mail: podoplekin@mail.ru

Abstract. The paper represents a generalized data from sociological survey of social-psychological well-being of the rural population of the coastal areas in Arkhangelsk region (included into the Russian Arctic zone) held in 2015. The data shows a critical level of social pessimism, assurance of residents in continuation of negative social-economic dynamics, deficiency of motivation and readiness for active participation and inclusion into the development of territories. Such a status is based on a deep degradation of local industries, infrastructures and social sphere, which has been confirmed by statistic data. The revealed indicators explain high migration preparedness, especially in groups of working ages, proceeding, in the middle-term prospective, to the risk of depopulation and disintegration of social carcass in the coastal areas which, in their turn, possess a significant resource potential. At that, residential population on these areas considered as strategic factor from the perspective of Russian geopolitical interests in the Arctic. A positive trend may be provided through implementation of spatial approach to the social-economic development, which has been already applied in activities held by the Russian State Commission on the Arctic Development. With that there is obvious rele-

vance of correction of the Russian legislation toward transformation of residential population into the beneficiary party of the macro-regional development, which may be provided by establishing of special regimes and preferences in spheres of natural resource use, tax assessment, entrepreneurship and crediting for all groups indigenous (resident) population, including aboriginal people of the North.

Keywords: *Russia, Arctic zone, coastal rural areas, indigenous (resident) population, social-psychological well-being, migration, labor force balance, degradation of local economy, spatial development*

9 марта 2016 г. состоялось заседание Президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики, на котором было принято решение, в перспективе имеющее стратегическое значение не только в рамках арктической деятельности России, но и для политики освоения Сибири и Дальнего Востока¹. Едва ли не впервые в новейшей истории была зафиксирована ограниченность отраслевого подхода к формированию и реализации целевых программ освоения территорий. На заседании в г. Мурманске Президиум Госкомиссии поддержал территориально-ориентированный принцип нового варианта госпрограммы для Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), предусматривающий формирование в макрорегионе восьми пространственных опорных зон развития².

Подход, основанный на совмещении в Арктике интересов и потенциала отраслевых компаний, территорий и общественных ассоциаций, даёт основания для уверенности в эффективном решении утверждённых основополагающими документами российской арктической политики 2008—2015 гг. задач по повышению качества жизни населения и созданию социальных условий его хозяйственной деятельности в АЗРФ, стимулированию новых проектов освоения территорий, переработки водных биоресурсов, морских биотехнологий, апробации моделей комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ), развитию арктического туризма и ресурсного потенциала рыбного хозяйства³.

Суть формирующейся национальной арктической политики России, таким образом, объективно соответствует призывам представителей советской и российской науки, указывавших с 1970-х гг. на необходимость отказа от ресурсоёмких, затратных, экологически опасных и негибких отраслевых моделей освоения Севера [1; 2; 3; 4]. В дальнейшем была обоснована необходимость применения принципов пространственного планирования и управ-

¹ Дмитрий Рогозин провёл заседание президиума Госкомиссии по вопросам развития Арктики. 09.03.2016 // URL: <http://government.ru/news/22162> (дата обращения: 17.05.2016).

² Протокол заседания президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики от 9 марта 2016 года № 1 // Официальный сайт Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. 18.03.2016. URL: <http://arctic.gov.ru/4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23> (дата обращения: 17.05.2016).

³ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969)// Российская газета. 2008. Столичный выпуск № 4877. 27.03.2009. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года и обеспечения национальной безопасности. URL: <http://government.ru/info/18360>. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.03.2015 № 228 «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики». URL: <http://government.ru/media/files/Cozw5FAxCGc.pdf> (дата обращения: 17.05.2016).

ления развитием в приарктических районах, в том числе КУПЗ, формирования территориально-производственных комплексов и другие решения [5; 6; 7; 8].

Реализация приоритетных направлений политики развития АЗРФ имеет смысл и возможна только при сохранении постоянного населения и его устойчивой жизнедеятельности. Вопрос о соответствии этому критерию мер, предпринимаемых руководством страны, является предметом многолетней сложной дискуссии, активизировавшейся к 2016 г. в связи с очередной серией попыток федеральных и региональных властей разработать проект закона об Арктической зоне. Показателем работоспособности подобного закона должно стать обеспечение положительных демографических процессов макрорегионе, в том числе в сельских (руральных) районах Архангельской области. Территории этого региона являются особой частью Арктики: площадь муниципалитетов области в составе АЗРФ составляет всего 5% её площади, но здесь сосредоточено $\approx 28,2\%$ всего населения Арктической зоны (свыше 650 тыс. чел.)⁴. По данным переписи 2010 г. в 7 муниципальных образованиях Архангельской области, входящих в АЗРФ (МО: Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Новая Земля; МР: Мезенский, Онежский, Приморский), проживало 659 921 чел. или 27,2% от общей численности всего населения в Российской Арктике — 2 424 421 чел. [10, с. 154].

Исследование настроений населения Беломорской части АЗРФ

Беломорская часть АЗРФ исторически является первым опорным районом открытия и освоения русскими Арктики и Сибири, Дальнего Востока и Аляски. В настоящее время существенным фактором реализации потенциала этой части АЗРФ является социально-психологическое самочувствие и единство коренных жителей, их готовность к проживанию и трудовой деятельности в данной местности, наличие социальной солидарности, сопряжённой с ответственностью за будущее территорий. Летом 2015 г. для выявления показателей и оценки соответствующих настроений было проведено социологическое исследование, охватившее 22 населённых пункта (НП) с общей численностью населения свыше 12,7 тыс. чел.⁵ в прибрежной зоне сельских поселений Мезенского, Онежского и Приморского муниципальных районов. Исследование проводилось через индивидуальные формализованные анкет-

⁴ Подсчёты автора на основе данных ТОГС Росстата (www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog). См. также [9].

⁵ Опрос населения и экспертные интервью проведены в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Архангельской области № 15-13-29601 е(р) «Человеческий и экономический потенциал прибрежных территорий европейской части Арктической зоны России (на примере Архангельской области)». Участники проекта: к.и.н., доц. А.О. Подоплёкин (руководитель), д.э.н., проф. В.И. Павленко, к.э.н. О.В. Губина, А.В. Уханова (Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики РАН, ранее — Архангельский научный центр УрО РАН); к.с.н. К.О. Малинина, Н.П. Цуканова (ГАУ Архангельской обл. «Центр изучения общественного мнения»); д.с.н. О.В. Остроухов, к.и.н., доц. П.С. Журавлёв.

ные опросы жителей указанных НП, определённых методом случайной выборки, старше 18 лет по месту постоянного проживания респондентов. По данным паспортов муниципальных районов на 01.01.2013 общая численность граждан в возрасте от 18 лет в населённых пунктах, где было проведено анкетирование, составляла 10,58 тыс. чел. Выборочная совокупность составила 577 респондентов, максимальная ошибка выборки — 3,2%. Как показано на схеме, возраст ряда НП насчитывает два и более столетия (рис. 1.).

Рисунок 1. Схема расположения обследованных поселений

Его результаты подтвердили высокую укоренённость местного населения — абсолютное большинство (84,1%) проживает на территории прибрежной зоны уже более 20 лет, а в населённых пунктах Мезенского района таковые составляют свыше 92,3%, причём доля проживающих на территории длительное время преобладает в каждой возрастной категории. Наиболее типичное настроение населения определяется людьми как «нормальное, стабильное» (71,1%), различия между половозрастными группами не выявлены; постоянную неуверенность или раздражение испытывают около 10%. Свыше половины опрошенных — 57,4% — характеризуют своё состояние здоровья как «среднее, удовлетворительное».

В целом на обследованных территориях проживает экономически активное население, большинство которого занято на постоянной работе. 29,6% местных жителей указывают в качестве основной сферы деятельности, что являются пенсионерами. Следующая по популярности отрасль занятий — транспорт (10,4%), что объясняется объективной потребностью в обеспечении сообщения между отдалёнными поселениями. В Мезенском районе отмече-

но значительное преобладание пенсионеров — 40,1%. Кроме того, вторая по доле группа неработающих граждан — 9,9%.

Показатели подвижности населения существенно рознятся по муниципальным районам: в Приморском районе наибольшая доля опрошенных (45,4%) покидает поселения 1 раз в неделю, в Онежском 1-2 раза в месяц (45,7%), а в Мезенском 1-2 раза в год (57,7%), в данном р-не также самая высокая доля (20,3%) не выезжающих за пределы НП в течение года. В целом по обследованным территориям распределение групп покидающих поселение 1 раз в неделю, 1-2 раза в месяц, 1-2 раза в полгода, 1-2 раза в год и вообще не выезжающих в течение года составляет 18,0%, 26,0%, 18,4%, 27,9% и 9,7% соответственно.

В целом 54,2% опрошенных проживает в многоквартирных благоустроенных домах, частные постройки в качестве основного места жительства имеются у 42,5%. В Мезенском районе выявлено преобладание частных домов. Отметим наличие личного дома 42%, квартиры — 54%, хозпостроек — 72%, гаража — 36%, бани — 49%, выхода в Интернет — 55%, ПК — 65%, GPS-навигатора — 7%, мобильной связи — 75%, спутникового ТВ — 66%, бензопилы — 54%, катера — 18%, мотоцикла — 23%, автомобиля — 34%, снегохода и квадроцикла — 16% и 4%, культиватора — 10%.

Единство людей на территории основывается в первую очередь на общности с жителями своего села и сверстниками (по ≈40%), коллегами по профессии (32,2%), согражданами (24,1%) и людьми такого же образа жизни (19,4%). Примечательно, что односельчане позиционируются как основной источник получения информации о внешнем мире (частота выбора 78,3%), в то время в таком качестве другие варианты выбирались с гораздо меньшей частотой: собственные наблюдения — 30,3%, местные газеты — 21,3%, доска объявлений — 16,1%, Интернет — 15,8%, местные телеканалы — 7,6%.

На наличие признаков сохраняющейся социальной солидарности в поселениях указывает относительно высокая частота согласия людей с утверждениями, что «в нашем селе всегда можно рассчитывать на чью-то помощь» (65,2%), «люди много общаются между собой» (71,6%) и «времена изменились, а отношения между людьми остались прежними» (58,4%). В то же время граждане отмечают такие процессы, как растущее желание людей заботиться только о себе (74,2%) и закрытость во взаимоотношениях между людьми (63,6%), а 60,3% опрошенных не считают, что могут рассчитывать на помощь властей в непредвиденных ситуациях. Более всего местные жители склонны опираться на собственные силы как залог личного благополучия (96,5%), при этом 72,4% признают, что оно также зависит и от общественной ситуации в целом.

При выяснении личной удовлетворённости различными аспектами личной и общественной жизни превышение положительных ответов жителей СП над отрицательными отмечено только в части работы (56,0% / 30,8%), собственной жизни в целом (72,8% / 26,3%), отношениями между жителями села (76,3% / 22,9%), жилищными условиями (61,9% / 37,1%), образованием в школе (71,6% / 27,6%) и безопасностью (71,1% / 27,6%). В то же время преимущественно личная неудовлетворённость показана в отношении материального положения, возможностей участия в принятии решений по жизни поселения и трудоустройства, медицинского обслуживания и условий для воспитания детей, услуг ЖКХ и благоустройства, наличия спортивных сооружений и качества работы банковских учреждений.

Соответствующим порядком распределяются и мнения относительно состава приоритетных мер по улучшению ситуации в СП: дорожное строительство и ремонт — 24,6%, благоустройство поселений — 15,9%, создание рабочих мест — 10,6% ответов. Также жители прибрежных СП отмечают наличие и остроту экологических проблем, главными из которых представляется замусоривание (свыше 84%), загрязнение вод (34,7%), неконтролируемая вырубка лесов (21,1%) и лесные пожары (12,8%). При всём осознании состава и остроты проблем поселений, чувство личной ответственности жителей в наибольшей мере связано с семьёй (около 94%) и работой (свыше 48%), тогда как с поселением, регионом и страной — только у 5,95%, 0% и 1,2% соответственно. Так же оцениваются и личные возможности влияния на данные сферы: с семьёй и работой — 92,9% и 41,1%, а со своим НП, областью и страной — только 6,4% и по 0,5% соответственно. Близкий к этому разрыв наблюдается между, с одной стороны, декларируемой готовностью людей к объединению для совместных действий в общих интересах и решения приоритетных проблем с односельчанами (68,8%) и органами МСУ (64,4%), а также согласием с тем, что «люди не должны надеяться на власть, нужно брать инициативу в свои руки» (66,9%) и что «многие проблемы были бы решены, если бы жители активно участвовали в их решении» (89,1%); и, с другой стороны, с самооценкой участия в такой деятельности — в целом свыше 68% опрошенных признали собственную пассивность в общественной жизни поселения.

Социальная активность населения

Из причин, препятствующих собственному активному участию граждан в развитии территорий проживания, наиболее часто выбирались варианты «недостаток времени, занятость», «неверие в возможность оказать влияние на решения властей» и «недостаток знаний, некомпетентность» — 32,6%, 28,1% и 27,0% соответственно. Однако при суждениях относительно общей социальной активности чаще всего высказывались суждения о том, что

«ситуация в селе зависит больше не от граждан, а от положения в стране в целом» (56,8%), что «многих жителей не интересует участие в принятии решений» (80,4%) и даже что «участие жителей [в принятии таких решений] может привести к конфликтам» (57,7%).

Мнения экспертов относительно экономической и социальной активности населения полностью совпадают с самооценкой населения, лейтмотивом большинства суждений являются тезисы о том, что «население «скорее пассивно, многие ждут чьих-то решений, указаний, или не видят перспектив, не хватает знаний, информации», «неактивно, не желает работать (да и работы нет)». Многие считают, что от них ничего не зависит, всё решают «наверху». Определяя субъектов, оказывающих наибольшее влияние на социально-экономическую ситуацию на территориях, участники опроса отвели самому населению только пятое место (16,3%), в то время как наибольшая ответственность предоставляется главам поселений и районов (45,8% и 31,0%), местным предпринимателям и руководителям предприятий (24,4% и 23,7%). Варианты «Губернатор» и «Никто» получили 11,8% и 12,5% соответственно.

Неверие, а нередко и нежелание активно изменять собственную жизнь проявляется, в частности, в том, что практически 80% владельцев указанного выше имущества не пытаются использовать его для зарабатывания дополнительных средств. Не желают или не видят необходимости обучаться новым ремёслам как средству заработка 3/4 опрошенных. Более 91% не держат и не желают держать домашний скот или птицу, 84,9% опрошенных отметили, что не занимаются никакими ремёслами, а 79,5% не станут этим заниматься даже по материальным соображениям. Ничтожно малая доля анкетированных занимается сбором ягод и грибов на продажу. Более 56% считают, что в их местностях нет интересных туристам объектов, а свыше 89% не имеют желания участвовать в приёме туристов и деятельности по гостеприимству. Из ремёсел наиболее популярны вязание (82,8%) и вышивка (14,9%). Отношение к сохранению народных ремёсел апатичное — 75,2% высказали нежелание обучаться промысловому творчеству. Доля людей, не видящих потребности в профессиональной переподготовке как инструменте оживления экономической активности, составила в целом 53,2%, хотя в разрезе Мезенского и Приморского районов преобладает обратная точка зрения (53,2% и 51,1% соответственно).

Социально-экономическая ситуация в Беломорье

По всей территории Беломорья 43,7% опрошенных полагают, что социально-экономическая ситуация за последние три года не изменилась, хотя отдельно в Мезенском районе её ухудшение отметили 36,8%. Второй по частоте выбора ответ (32,4%) свидетельствует об отрицательном видении динамики качества жизни, а 13,9% отметили улучшение эконо-

мического положение территорий. Пессимистичное восприятие населением социально-экономической динамики находит своё отражение и во взглядах жителей сельских поселений на её будущее: ухудшение ситуации предвидят от 41,1% в Приморском районе до 58,8% в Мезенском районе, а в целом по всем сельским поселениям доля таковых составила 51,1%.

Эксперты также указали на качественные изменения в худшую сторону, выделив такие проявления, как отток и старение населения, низкий темп роста зарплат, подорожание продуктов, услуг, топлива, электроэнергии, отсутствие или свёртывание производств, низкое качество дорог, безработица, незаинтересованность населения во взаимодействии с органами МСУ и рост преступности. Жители всех сельских поселений наиболее часто (в 25% и более случаях) выделяли следующие социально-экономические проблемы: транспортная недоступность поселений, низкий уровень и доступность медицинского обслуживания, низкие уровень трудовых доходов, качество ЖКУ и рост тарифов на них [11].

Социально-психологическое самочувствие сельского населения прибрежной зоны Архангельской области соответствуют объективным индикаторам состояния их экономической и социальной сферы. В совокупности с данными государственной статистики они позволяют характеризовать динамику сельскохозяйственного и промышленного производства на обследованных территориях как деградацию. Одним из ключевых препятствий экономического, социального и культурного развития, отрицательно влияющим на инвестиционную привлекательность и рыночную конкурентоспособность прибрежных СП, является критическое состояние инфраструктуры, в первую очередь автомобильных дорог. Экономической динамике в поселениях соответствует состояние их бюджетов, доходы которых связаны исключительно с безвозмездными поступлениями из других уровней бюджетной системы РФ [12].

Большинство местных жителей получают материальные средства за счёт постоянной работы, в целом показатель достигает 45,2%. Наибольшая доля респондентов, имеющих постоянную работу, проживает в Приморском районе — 58,9%, самая доля зафиксирована в Мезенском районе — 33%. Кроме того, именно в этом муниципальном образовании нарушается общая тенденция и преобладающей является доля пенсионеров 40,7%. Самый высокий процент работающих пенсионеров среди территориальных кластеров наблюдается в Приморском районе — 11,7%. В Мезенском районе сравнительно высокое количество местных жителей предпочитают заниматься временной работой — 7,7%.

Среди молодого поколения наиболее популярной сферой деятельности является торговля, а в средней возрастной группе преобладает сфера образования и ЖКХ. Доля безработных наиболее высокого значения достигает в возрастной категории от 18 до 39 лет. В

Онежском районе подтверждается общее распределение преобладанием доли пенсионеров — 28,4%. Наиболее популярная сфера деятельности транспорт. Однако также многочисленна группа неработающих граждан — 10,3%.

В целом доля безработных достигает наибольшего значения в группе лиц от 18 до 29 лет. Преобладающим уровнем образования у местных жителей является среднее профессиональное, значение показателя в целом по выборке достигает 56,3%. Среднее общее образование имеется у 30,7% опрошенных. Наибольшая доля респондентов, имеющих высшее образование, зафиксирована в Приморском районе (15,3%).

Миграционные настроения в местных сообществах

Общее положение экономики и соответствующая социально-психологическая ситуация в прибрежных СП Архангельской области естественным образом обуславливают высокую миграционную готовность: переезд планируют или не исключают в целом почти четверть жителей. В группах 18—29 и 30—39 лет однозначно планируют уехать свыше 30% и 11% соответственно. За три года, предшествовавших опросу, коэффициенты естественного и миграционного прироста по всем поселениям только отрицательные, доля граждан трудоспособного возраста среди выбывших составляла порядка 70%, а в ряде мезенских и онежских сёл — в пределах 85-100%. В 2014 г. коэффициенты естественного прироста и миграционного прироста составляли в среднем по всем сельским поселениям -11,1% и -22,87% соответственно.

Мигранты выезжают вместе с семьями, что создаёт угрозу для воспроизводства трудового потенциала. Негативная демографическая динамика сопровождается соответствующим изменением баланса трудовых ресурсов. Удельный вес лиц трудоспособного возраста среди выбывающих из сельских поселений в 2014 г. колеблется в пределах от ≈65% до 100%, в связи с чем по всем МО отмечены высокие коэффициенты демографической нагрузки в пределах ≈73-176,8. Основной причиной высоких значений коэффициента является большая нагрузка пенсионерами. Главными проблемами, выталкивающими молодёжь из сельских территорий, опрошенные считают невозможность достойного трудоустройства — 79%, отсутствие современного досуга — 52%, нехватку благоустроенного жилья — 45%, неуверенность в будущем поселения — 32%, низкие доходы и недоступность образования — по 14%.

Результаты исследования, выводы

Приведённые характеристики экономики и социально-психологического самочувствия сельских поселений трёх муниципальных районов Архангельской области свидетельствуют о процессе депопуляции (обезлюдения) Беломорской части прибрежного пространства Арктической зоны России на фоне критически высокого уровня социального пессимизма населения.

Указанные явления уже реализуют угрозу развала исторически самого раннего социально-экономического каркаса на единственной в АЗРФ территории с постоянным (коренным) русским сельским населением, высокой концентрацией объектов историко-культурного наследия и относительно благоприятными природно-климатическими условиями для экономически оправданного развития товарного сельского хозяйства, рыбоводства и аквакультуры.

Совокупность суждений участников анкетирования и экспертных интервью относительно причин кризиса на обследованных территориях концентрируется вокруг двух предпосылок. *Первая*, причём не основная, это последствия известных социально-экономических проблем России в целом — т.н. «административные барьеры», препятствующие малому и среднему предпринимательству, давление надзорных органов, недоступность кредитов, стоимость подключений к сетям, тарифов и арендных платежей, коррупция. Экспертные оценки акцентируют внимание на необходимости «восстановления производства, сельского хозяйства, крупных предприятий, для функционирования которых потребуется укомплектовать большой штат специалистов», «организации досуга или развлекательного центра (боулинг, кинотеатр, бильярд)», который позволил бы проводить время в кругу друзей, близких или коллег по работе в «интеллигентной обстановке», на «возможностях приобрести по приемлемой стоимости или получить ведомственное жильё», на вопросах восстановления «изношенной материальной базы имеющихся физкультурных площадок».

Однако *вторая группа* отмечаемых причин деградации структур жизнедеятельности связана с очевидной «перезрелостью» вопроса о диверсификации законодательных основ и принципов социально-экономического развития РФ в соответствии с особенностями регионов и интересами местных сообществ. А именно, эксперты и население отмечают тот факт, что деградация локальной экономики может быть преодолена путём возвращения и расширения прав местного населения в вопросах прибрежного рыболовства, морских промыслов, лесопользования и сельского хозяйства, введения для него льготных режимов предпринимательства. В данной связи отмечается современная экономическая динамика в Северной Норвегии, где прибрежное рыболовство, аквакультура и рыбоводство стимулируют развитие портов, береговой сервисной инфраструктуры, местную переработку, а также, как следствие, рост инновационных предприятий, строительства и альтернативной энергетики, приток молодёжи.

Таким образом, среди экономически активной части граждан сельских поселений имеется конкретный социальный запрос на возврат коренному русскому населению преференций в тех видах деятельности, занятия которыми обеспечили столетия назад устойчивую самодостаточную систему хозяйствования, природопользования и социальной жизни в при-

брежной зоне Архангельского Севера. Данные опросов, интервью, научных исследований и экспертных заключений в равной степени указывают на потенциальный комплексный эффект, который может быть обеспечен соответствующими законодательными и экономическими мерами [13].

Преодоление негативных тенденций на прибрежных территориях АЗРФ, в первую очередь, таких, как деградация социальных и экономических структур, требует системных изменений в национальной арктической политике, её «нордификации» [14; 15]. Применительно к Российской Арктике, особенно к наиболее «обжитой» её части — Архангельскому Северу, Беломорью — такие шаги должны иметь в основе подход, позиционирующий местное население как главного «выгодоприобретателя» проектов хозяйственного освоения территорий. Что, в свою очередь, может потребовать распространения норм российских актов, обеспечивающих льготные режимы природопользования малым аборигенным народам Севера, в целом на коренное (постоянное) население Арктической зоны.

Литература

1. Агранат Г.А. Территория: повышение роли в жизни общества // Известия АН СССР. Сер. географ. 1988. № 2. С. 5—16.
2. Гранберг А.Г. Программа фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 2-3. С. 5—11.
3. Лаженцев В. Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 1. С. 97—104.
4. Лузин Г.П. и др. Север СССР как объект управления и планирования (природно-экономические особенности). Апатиты: Кольский НЦ РАН, 1989. 27 с.
5. Лаженцев В.Н. Территориально-производственные комплексы (ТПК): из прошлого в будущее // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 3. С. 136—143
6. Городецкий А.И., Иванов В.В., Филин Б.Н. Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России // Арктика: экология и экономика. 2014. № 4 (16). С. 4—13.
7. Меламед И.И., Павленко В.И. Правовые основы и методические особенности разработки проекта государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года» // Арктика: экология и экономика. 2014. № 2 (14). С. 6—15.
8. Липина С.А. Инновационный вектор развития прибрежных территорий Российской Арктики // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 66—74.
9. Сеница А.Л. Демографическое развитие регионов Арктической зоны России в 2010—2014 гг. // Арктика: экология и экономика. 2016. № 1 (21). С. 18—27
10. Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151—164. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/950/12-_-sokolova.pdf (дата обращения: 30.05.2016).
11. Подоплекин А.О. Положение коренного населения и территорий его проживания в Архангельской области как субъекте Арктической зоны России / Семиотика единства и этнокультурного многообразия исторического пространства Русского Севера: сб. научных статей [отв. ред. д-р филос. наук, проф. Н.М. Терехин]. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 25—31.

12. Уханова А.В., Губина О.В. Оценка социально-экономического потенциала прибрежных сельских поселений Архангельской области, расположенных в Арктической зоне Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12. С. 317—326.
13. Павленко В.И., Торцев А.М. Направления совершенствования государственной поддержки товарного рыбоводства на Европейском Севере России // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2015. № 4 (24). С. 130—139.
14. Меламед И.И., Авдеев М.А., Павленко В.И., Куценко С.Ю. Арктическая зона России в социально-экономическом развитии страны // Власть. 2015. № 1. С. 5—11.
15. Лаженцев В.Н. Север России: альтернативы на будущее // Современные производительные силы. 2013. № 2. С. 115—124.

References

1. Agranat G.A. Territorija: povyshenie roli v zhizni obshhestva. *Izvestija AN SSSR. Ser. geograf.* 1988, № 2, pp. 5—16.
2. Granberg A.G. Programma fundamental'nyh issledovanij prostranstvennogo razvitija Rossii i rol' v nej Severo-Zapadnogo regiona. *Jekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitija*, 2009, № 2-3, pp. 5—11.
3. Lazhencev V.N. Prostranstvennoe razvitie (primery Severa i Arktiki). *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 2010, № 1, pp. 97—104.
4. Luzin G.P. i dr. *Sever SSSR kak objekt upravlenija i planirovanija (prirodno-jekonomicheskie osobennosti)*. Apatity: Kol'skij NC RAN, 1989, 27 p.
5. Lazhencev V.N. Territorial'no-proizvodstvennye komplekсы (TPK): iz proshlogo v budushhee. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 2014, № 3, pp. 136—143.
6. Gorodeckij A.I., Ivanov V.V., Filin B.N. Pravovye i metodicheskie problemy strategicheskogo planirovanija razvitija arkticheskikh regionov Rossii. *Arktika: jekologija i jekonomika*, 2014, № 4 (16), pp. 4—13.
7. Melamed I.I., Pavlenko V.I. Pravovye osnovy i metodicheskie osobennosti razrabotki proekta gosudarstvennoj programmy «Social'no-jekonomicheskoe razvitie Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii do 2020 goda». *Arktika: jekologija i jekonomika*, 2014, № 2 (14), pp. 6—15.
8. Lipina S.A. Innovacionnyj vektor razvitija pribrezhnykh territorij Rossijskoj Arktiki. *Arktika i Sever*, 2016, № 22, pp. 66—74.
9. Sinita A.L. Demograficheskoye razvitie regionov Arkticheskoy zony Rossii v 2010—2014 gg. *Arktika: ekologiya i jekonomika*, 2016, № 1 (21), pp. 18—27
10. Sokolova F.H. Jetnodemograficheskie processy v Rossijskoj Arktike. *Arktika i Sever*, 2015, № 21, pp. 151—164. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/950/12-_-sokolova.pdf (Accessed: 30 May 2016).
11. Podoplekin A.O. Polozhenie korenного naselenija i territorij ego prozhivanija v Arhangel'skoj oblasti kak sub#ekte Arkticheskoy zony Rossii. *Semiotika edinstva i jetnokul'turnogo mnogoobrazija istoricheskogo prostranstva Russkogo Severa: sb. nauchnyh statej* [otv. red. d-r filoz. nauk, prof. N.M. Terebihin]. Arhangel'sk: SAFU im. M.V. Lomonosova, 2015, pp. 25—31.
12. Uhanova A.V., Gubina O.V. Ocenka social'no-jekonomicheskogo potenciala pribrezhnykh selskih poselenij Arhangel'skoj oblasti, raspolozhennyh v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii. *Jekonomika i predprinimatel'stvo*, 2015, № 12, pp. 317—326.
13. Pavlenko V.I., Torcev A.M. Napravlenija sovershenstvovanija gosudarstvennoj podderzhki tovarного rybovodstva na Evropejskom Severe Rossii. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN*, 2015, № 4 (24), pp. 130—139.
14. Melamed I.I., Avdееv M.A., Pavlenko V.I., Kucenko S.Ju. Arkticheskaja zona Rossii v social'no-jekonomicheskом razvitii strany. *Vlast'*, 2015, № 1, pp. 5—11.
15. Lazhencev V.N. Sever Rossii: al'ternativy na budushhee. *Sovremennye proizvoditel'nye sily*. 2013, № 2, pp. 115—124.